

САРАФАНОВ И ДРУГИЕ

✓
Андрея Георгиевича Сарафанова — такого, каким играет его народный артист РСФСР А. П. Тишин, нельзя не полюбить. И другим его представить теперь трудно.

Он очень конкретен, тишинский Сарафанов, со смешным зачесом реденьких волос, с застенчивыми манерами неудачника. Вот он идет с работы, бережно неся в руках свое божество — кларнет. Маленький, незаметный человек. Таких тысячи, десятки тысяч, миллионы... Они скромно делают свое дело. Они воевали, растили детей. Нет ничего особо примечательного в их жизни. Но присмотритесь получше! Сколько неподдельного тепла, искренности, благородства в его отношении к окружающим. Такой человек располагает к себе, безраздельно берет в полон первозданность своей натуры, ему чужд расчетливый прагматизм, у него все — от сердца. «Присмотритесь! — говорит нам артист — ведь он прекрасный, этот скромный человек, он обладает высшей ценностью, какая есть на земле, — душой человеческой».

Талантливая работа А. Тишина в значительной мере раскрыла смысловую основу комедии молодого драматурга, нашего земляка Александра Вампилова «Старший сын», которая впервые увидела свет на сцене Иркутского драматического театра имени Н. П. Охлопкова. (Спектакль поставил режиссер Владимир Симоновский).

Победа актера закономерна. Она выросла из драматургического материала, который дал возможность не только ярко обрисовать события, но оценить, обобщить явления жизни. Это тем более интересно и ценно, что «Старший сын» — комедия. В мастерском построении занимательной и очень смешной интриги, в четких действительных диалогах, в ярком языке виден почерк одаренного писателя, чувствующего сцену; в философском подспорье, подведенном под комедийные «шалости», ощущается раздумье над жизнью.

...Двое случайных знакомых, встретившихся в молодежном кафе: студент Володя и «агент торговли» Семен, по прозвищу Сильва, вовлечены автором в водоворот водеvilных недоразумений. Прозаическое желание согреться приводит ребят, отставших от электрички, в случайную квартиру. Легкомысленная шаловливость толкает на розыгрыш: Володя называется сыном хозяина квартиры. На первых порах все смешно и весело — розыгрыш кажется вполне безобидным. Что за беда, если захмелеет за радостях от впервые выпитой стопки по-взрослому петушиный Васьенька? Или в памяти Сарафанова всплывает дейст-

вительный грех его молодости?

Но вот зарождается в душе Сарафанова волна трогательной любви к неожиданно появившемуся «сыну». И волна эта будит в душе Володи ответное чувство. Удивленный и озадаченный, останавливается перед этим Володя. Он оглянуться не успел, как дела и заботы доселе неизвестных ему людей стали его заботами. Он уже не может вот так просто взять и уйти из дома, в котором зарыли тепло в его душу; ему становится трудно обманывать человека, потянувшегося к нему с таким доверием, и Володя делает, быть может, первое большое в своей жизни открытие: чужой человек, если его узнать и понять, может оказаться близким, дорогим, родным по духу. И честность, и неотзывчивость вовсе не главные и необязательные черты рода человеческого, как он с безапелляционностью молодости считал сначала.

Фантастический интрига комедийных положений оборачивается глубокой смысловой подкладкой. В умении драматурга совершить такой поворот легко, без натури, не выходя за рамки жанра, видится основное достоинство пьесы.

А. Вампилов развивает мысль о чуткости и доброте, необходимых человеку. Он реализует ее в конкретных характерах. В Володе — тонком и отзывчивом от природы, с которого слетает шелуха равнодушного скепсиса под влиянием конкретных событий. В Сильве, который, быть может, не от такой уж глубокой испорченности, а больше от привычки «срывать верхушки» с жизни, от неспособности заглянуть вглубь бесердечен и эгоистичен. В Михаиле Кудимове, человеке честном, но ограниченном буквой устава, который он неосознанно переносит на взаимоотношения между людьми.

«Старший сын» заключает в себе целый ряд скрытых морально-этических конфликтов. В спектакле наиболее ярко оказался высветленным поворот мысли драматурга, связанный с образом Сарафанова.

А. П. Тишин мастерски, без единой фальшивой ноты раскрывает драгоценный ларчик — большую душу обыкновенного человека. Он подбирает к своему герою ключ, точно соответствующий жанру. Сарафанов — Тишин очень смешон. Смешно задумывается он, ссылаясь вспомнить прошлое; смешно пугается звуков похоронного марша, одному ему слышных и напоминающих о его новой профессии в самое неподходящее время — в момент размышлений о Глике и Берлиозе (в спектакле блестяще найдены эти полные юмора музыкальные паузы-раздумья). Мы знаем, что тщетны попытки

Сарафанова — Тишина убедить себя и других в том, что не потеряны еще «идеалы юности»; уверены, что не суждено ему сочинить задуманную «не то ораторию, не то кантату», в работе над которой он за многие годы не сдвинулся с первой странички.

Таланта большого музыканта не состоялось. Но состоялся другой — талант человеческий, состоящий в свежем, живом, добром восприятии мира. Актер утверждает это средствами комедии. Смешно... Но смех бывает разный. По отношению к Сарафанову — Тишину — добродетельный без жалости, трогательный без сентимента. И, быть может, самые драгоценные в спектакле минуты те, когда смех этот сменяется тишиной, когда комедийные ноты переходят в строгий драматический регистр.

К сожалению, при всем при этом не получилось у А. Тишина эмоционального контакта с исполнителем роли Володи Бусыгина В. Лобановым. Актер действует с профессиональной смелостью и свободой. Но эволюция образа у него формальная, больше заключена в словах, нежели в психологических сдвигах. Остается ощущение холода, внутреннего равнодушия актера к тому, что происходит с его героем.

Значительно четче проявляется образ, когда в роли Володи выступает А. Исаченко, недавний выпускник Иркутского театрального училища. Володя — Исаченко предельно искренен в отношении к Сарафанову — Тишину. У последнего же в сочетании с этим партнером появляются новые интересные краски и нюансы. Между ними возникает контакт, чувствуется искренняя тяга двух людей друг к другу. В интерпретации Исаченко Володя предстает очень молодым, с неспорченной чистой душой. Заполняется, например, его мальчишеский испуг при первой встрече с Сарафановым. Актер ведет своего героя от беспечности к осознанию чего-то важного в жизни. К концу спектакля его Володя становится богаче не только тем, что приобрел новых искренних друзей, а и тем, что кое-что переосмыслил, кое-что понял. Актер доносит это средствами чисто эмоциональными. Убедительна у него и линия, связанная с влюбленностью в «сестренку» Нину. Довольно успешно пробует молодой актер найти необходимый «градус» юмора.

Конечно, в значительной степени молодой артист отталкивается от собственных данных, счастливо «ложась» на образ. Но в роле виден такт, умный подход к материалу. Налицо новая интересная индивидуальность. Перспективы А. Исаченко на сцене могут

быть значительными при содействующей помощи режиссуры и вниманию руководства театра.

Недостает смысловой завершенности некоторым сюжетным поворотам спектакля. Морально-этические позиции некоторых персонажей обозначены не очень четко. Особенно это касается образа Сильвы. В полном нескромной легкости исполнении В. Алексеева Сильва сделана симпатичным аттракционом, срывающим дружеский смех и аплодисменты зрительного зала. Отдалил должное актеру — он подает остроумные реплики роли мягко, без нажима, безукоризненно чувствуя жанр, он немало способствует общему жизнерадостному тону спектакля. Тем обиднее, что образ все-таки оказался без крепкого смыслового стержня. Акцента на вероглядстве Сильвы, на его своеобразном цинизме не сделано.

Совершенно неубедительной оказалась линия Сильва — Макарская. Отчасти из-за объективных актерских данных исполнителя, отчасти из-за недостатков в пьесе. Сюжетный ход, связанный с образом Макарской, кажется в пьесе чужеродным телом. Усилия режиссера и актрисы Т. Панасюк оказались тщетными: придать образу определенность не удалось. А экстравагантные наряды Макарской — Панасюк вызывают лишь недоумение.

Художник Юрий Суракевич создал декорации легкие, пронизанные светом. Определенный образ заключен в сочетании двухцветных карнавальных суков и реальных деталей крупноблочного дома. Это как вещественное выражение невероятных водеvilных событий и реального их смысла.

Пьеса обрела сценическую жизнь усилиями всех без исключения исполнителей. Некоторые из них остались еще незавершенными. Живо, обаятельной получилась Нина у артистки Т. Хрулевой. Она является своеобразным психологическим центром спектакля, определяет истинную нравственную ценность персонажей. Оригинально разработана роль Васеньки у Г. Марченко. Но в игре этого актера нет еще достаточной легкости, свободы: ощущается чрезмерный «нажим», отсутствие чувства меры.

В целом же мы можем приветствовать драматурга и театр, создавших не просто «спектакль местного драматурга», а произведение далеко не местного звучания, которое в своих гуманистических встречах утверждает мысль о человеке, как о высшей непреходящей ценности земли.

Н. ФЛОРОВА

2 * Дек 1969

Получено 10.12.69
Г. Иркутск